

Секция «Журналистика»

Конфликтный медиатекст: аспекты интерпретации

Журба Анастасия Игоревна

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет журналистики,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: anastasiyazhurba@gmail.com

Конфликтный медиатекст: аспекты интерпретации

В силу того, что конфликтность заложена в самом языке как системном образовании, любой журналистский текст изначально может рассматриваться как конфликтный. По данным Фонда защиты гласности, за 2012 год в России юридизировано около 80 текстов СМИ. В отношении примерно четверти возбуждены уголовные дела (по ст. 280, 282 УК РФ – экстремистская деятельность), к остальным предъявлены гражданские иски (в большинстве случаев – о защите чести, достоинства и деловой репутации). Конфликтные тексты условно можно разделить на две группы. К первой отнесем публикации о конфликтах (бытовых, межнациональных, внутриличностных и т. д.), то есть тексты, конфликтность которых проявляется уже на семантическом уровне. Вторая группа – это так называемые речевые конфликты. Речевой конфликт можно определить как противоборство, в процессе которого каждый из участников сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, используя вербальные и прагматические средства [4]. Конфликтность на речевом уровне создают номинации адресата, жанр публикации, наличие / отсутствие информации определенного вида (событийной или оценочной), определенный набор экстралингвистических и лингвистических средств. [4] Руководствуясь существующим перечнем аспектов юридизации текстов, мы полагаем возможным интерпретацию конфликтных текстов проводить по следующей схеме.

1. В первую очередь, необходимо определить жанр публикации, поскольку жанровая специфика материала оказывает воздействие на все последующие шаги.

2. Далее определяется вид информации, преобладающий в тексте. Фактором, влияющим на юридизацию конкретного вида информации, можно назвать то, что оценка является субъективной истиной и, в отличие от события, не верифицируется. Согласно закону, порочащими признаются только те сведения, которые не соответствуют действительности [3].

В том случае, если в тексте преобладает событийная информация, к ее интерпретации следует подходить с точки зрения 1) соответствия действительности; 2) импликации (сам подбор определенных фактов является позицией автора) [1].

Псевдо-оценочные маркеры («якобы», «будто бы» и т. п.) не отменяют событийного компонента того или иного текста. Например, предложение из текста Сергея Лунева («Русская правда»): «Якобы на этом утаивании настоящих запасов финансисты Поднебесной строят какую-то очень хитрую стратегическую линию, призванную проявить себя во всей силе в “нужное время”», – включает в себя только событийную информацию. Частица «якобы», которую обычно употребляют для выражения сомнения, не переносит его в разряд информации оценочной.

В случае, если в тексте преобладает оценка, в процессе интерпретации, в первую очередь, уделяется внимание ее негативной, оскорбительной окраске [1]. Например,

в случае с публикацией Дмитрия Губина «Отрубить дитяте ноги вместе с кедами» («Росбалт»): «Владимир Путин, кажется, окончательно уверовал, что доставшийся ему народ — дурно воспитанные малые дети», — информация не может быть верифицирована, поскольку является оценочной. На это нам указывает наличие вводного слова с оттенком неуверенности.

Примером оскорбительной оценки является цитата из текста Дмитрия Губина «Вся Россия — «не наше дело» («Росбалт»): «Почему у нас борьба с самодержавием приводит к новому самодержавию? И почему "дней Александровых прекрасное начало" в России заканчивается тем, что страной в итоге правит "властитель слабый и лживый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой" ?». Использование прецедентного текста в составе данного фрагмента придает оскорбительную окраску оценке.

3. Следующий шаг интерпретации — выявление в тексте номинаций. Согласно Гражданскому Кодексу РФ [2] имя является одним из личных неимущественных прав человека. В том случае, если нельзя идентифицировать стороны конфликта, юридическое бытие текста невозможно. При этом номинация может быть не только прямой, важно само узнавание. Так, например, в контексте публикации Дмитрий Губина в номинации «сами-знаете-кто» («иранская обезьяна в одиночестве летает в космосе, а сами-знаете-кто собрался в Антарктиду с аквалангом»; «пока страна готовится к зиме, сами-знаете-кто летает с журавлями») читатель, знакомый с текущими событиями, легко может угадать образ.

4. Последним этапом интерпретации является анализ лингвистических единиц, порождающих конфликтность текста. Так, например, уже в самом заголовке текста Александра Проханова («Завтра») «Ельцин погрузился как гнилой топляк» есть объективная причина для юридизации — инвективная лексика. Присутствует она и далее по тексту: «Он — уродство истории, ее вывих и опухоль. Он — извращение человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который в каждый год ельцинского ига уменьшался на миллион человек». Помимо инвективной лексики, конфликтность данного фрагмента создается еще и с помощью специфичной пунктуации (авторские знаки препинания: например, тире в данном случае обосновано не правилами пунктуации, а намерением автора выделить выражение), а также посредством изобразительно-выразительных средств (метафор, гипербол, эпитетов и т. д.).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994N 51-ФЗ, статья 19 «Имя гражданина»
3. Матвеева О.Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста // Юрислингвистика 2004 № 05 // Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: Межвузовский сборник научных статей / Под ред. Н.Д. Голева, Барнаул 2004
4. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи. Екатеринбург: Слово, 2003